

центратов металлов и штейнов, в том числе с использованием автоклавной технологии. Одна из причин – нарастающие объемы экологических штрафов и дефицит рабочей силы, стремление к полной автоматизации производства.

Подобные разработки есть и у ученых УрФУ, УрО РАН. Уместно уже сейчас выполнить их технико-экономическую оценку на предмет исследования новых технологий для реконструкции старых предприятий. Зарубежные фирмы отчисляют 5 – 10% от прибыли на научно-исследовательские работы.

Развитие металлургии меди будет зависеть от расширения сырьевой базы, от темпов технического перевооружения, человеческого фактора (качество управления, профессионализм технологов), масштабов финансовых вложений и уровня квалификации персонала. Обострится конкуренция на международном и внутреннем рынке, а это предопределяет дальнейшее снижение затрат производства, развитие 5-го передела, улучшения качества получаемой продукции.

Используя только зарубежные технологии, можно попасть в зависимость от западных фирм, что приведет к потере рынка, остановке своих предприятий с тяжелыми социальными последствиями для региона, особенно в моногородах. Это недопустимо, поскольку Уральский регион еще на многие годы будет сохранять заметную роль в отечественном балансе производства меди.

А.В. Сперанский
Екатеринбург

РОССИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ²³²

Исторические макротории как правило основываются на двух противоположных взглядах: временном и пространственном измерении истории. Первый взгляд предполагает стадияльное осмысление исторического процесса, с выделением временных этапов развития человечества, в рамках которых проявляются определенные закономерности и тенденции. Второй взгляд базируется на локально-историческом понимании человеческой эволюции и предполагает изучение неких отдельных самобытных религиозно-культурных организмов (цивилизаций), обладающих внутренней динамикой.

Классическим выражением первого взгляда на историю является формационная макротория, вторая позиция наиболее аргументированно представлена в цивилизационном подходе. Нам представляется, что

²³² Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН. Проект № 09-Т-7-1003

модернизационная парадигма, возникшая в рамках научного осмысления истории человечества во второй половине XX в., представляет собой попытку рационального синтеза временного и пространственного измерения исторического процесса.

Теория модернизации первоначально стала формироваться в поле западной методологии истории в 1950 – 1960-х гг. на основе эволюционизма и структурного функционализма. Сторонники этого направления провозглашали дуацикличность исторического процесса. История мировой цивилизации разбивалась на два цикла: история традиционного (аграрного) общества и история современного (индустриального) общества. Переход от одного обозначенного цикла к другому и определялся сутью самой модернизации. Модернизационный переход объявлялся неким всеобщим глобальным процессом, втягивающим в свою орбиту все страны и народы мира. По мнению разработчиков этой концепции, модернизация охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности, объективно порождая глубинные тенденции, связанные с развитием индустриализации, урбанизации, коммерциализации, секуляризации общества, повышением уровня его образованности и мобильности. Такая комплексная модернизация, осуществлявшаяся высокоразвитыми странами Запада, получила название линейной. Частичная же модернизация, свойственная странам с более низким уровнем социальной организации и не отвечающая всем западным образцам стала квалифицироваться как – парциальная.

Ученые, заявившие о своей приверженности к модернизационной парадигме, в основном рассматривают процесс перехода человеческой цивилизации от традиционного к современному обществу на интегративной основе. В частности работы родоначальников модернизационной теории С. Блэка, П. Бергера, Д. Эптера, Б. Мура представляют собой попытки научного осмысления всех сторон этой глобальной эволюции.

Теория модернизации, зародившись в западной историографии в начале второй половины XX в., к началу XXI в. прошла достаточно сложный и тернистый путь от теоретических абстракций до серьезных выводов, базирующихся на глубоких эмпирических исследованиях. Своего рода классикой модернизационных представлений о человеческой истории можно назвать труд С. Блэка «Динамика модернизации», где на основе четко определенных критериев дается своеобразная типология стран, участвующих в модернизационном процессе²³³.

Важнейшими моментами, определяющими особенности модернизационного перехода, Блэк считает: временной критерий, дающий представление о том какие страны раньше вступили в этот процесс, а

²³³ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

какие последовали вслед за ними; критерий самостоятельности, демонстрирующий эндогенный (на основе внутренних предпосылок) или экзогенный (под влиянием извне) характер перехода; непрерывную последовательность (линейность) или прерываемость (порциальность) модернизации; наличие социальных институтов, оформившихся в рамках традиционного общества и способных воспринимать модернизационные трансформации; политический суверенитет или колониальную зависимость стран, вступивших в эпоху модернизации; стабильность или нестабильность их территориального и демографического состояния.

Исходя из названных критериев, Блэк и его последователи выделяют «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ: а) страны ранней самостоятельной модернизации (Англия, Франция), опередившие всех на пути к переходу от аграрного к индустриальному обществу. Возникшие в этих государствах социальные трансформации были определены внутренними предпосылками, носили непрерывный характер, опирались на имевшиеся социальные институты, политическую суверенность и стабильность территориально-демографического фактора; б) «филиалы» Англии и Франции в «Новом свете» (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия). Особенности модернизации этих государственно-политических образований были огромные неосвоенные земельные пространства, интенсивные миграционные процессы, приводившие к нестабильности территориально-демографического фактора; в) страны «Старого света», вступившие на путь модернизации после Великой французской буржуазной революции (Германия, Италия, Испания, Швейцария, страны Бенелюкса и Скандинавии). Несмотря на некоторое опоздание и частичную экзогенность модернизационной трансформации, эти страны в основном опирались на внутренний социально-экономический, общественно-политический и культурный потенциал и самостоятельно двигались по пути прогресса, преодолевая территориальную и населенческую неустойчивость; г) «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете (страны Латинской Америки). Характеризуются поздним вступлением в стадию перехода от традиционного общества к индустриальному, неколониальными формами правления, предопределившими значительный процент экзогенного влияния на модернизационную трансформацию. Отличительной чертой этой группы стран является численное доминирование бедного неевропейского населения, закрепляющее тенденцию консервации традиционалистских моделей и обуславливающее социальный конфликт с богатыми жителями европейского происхождения; д) страны Европы и Азии, не входившие в когорту передовых, но сохранившие свой государственный суверенитет на основе эффективного функционирования

традиционалистских правительств, опиравшихся на длительный опыт бюрократического, централизованного управления и относительную стабильность территориально-демографического фактора. (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд).

Модернизация этих стран базировалась в основном на эндогенной основе, но ее позднее начало обуславливало невысокие темпы и косвенное влияние западных цивилизаций; е) страны потерявшие политический суверенитет и долгое время находившиеся в колониальной зависимости от государств первой волны модернизации (Индия, Пакистан, Непал, Индонезия, Бирма). Они достигли высокого культурного уровня еще на этапе развития традиционного общества (в основном на религиозной основе ислама, буддизма, индуизма). Это позволило им начать процесс модернизации, используя, наряду с экзогенными флюидами, поступающими из метрополий, собственные традиционалистские достижения; ж) территории Африки, расположенные к югу от пустыни Сахары. Крайне низкий уровень цивилизационного развития, практическое отсутствие прочного культурного фундамента (неразвитость письменности, социальных институтов) предопределил тотальность экзогенного влияния на дальнейшую институционально-экономическую и политико-культурную трансформацию этого региона мира.

Таким образом, основатели модернизационной теории, проецируя свои теоретические выводы на русскую историю, отнесли дореволюционную Россию к пятому типу стран, вошедших в полосу перехода от аграрного общества к индустриальному. Вслед за С. Блэком, представители этой исторической интерпретации называют российскую модернизацию «консервативной», подчеркивая ее специфические особенности, заключавшиеся в том, что: модернизационные процессы не затронули аграрный сектор и 4/5 населения страны продолжали жить в условиях традиционализма; а элита традиционного общества сохранила все свои привилегии, и более того, именно она возглавила модернизационный переход, объективно отстаивая в нем свои интересы

Важнейшим модернизационным импульсом в России, по мнению западных ученых, стала крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право. Проведенная «сверху», она на некоторое время сохранила позиции традиционалистской элиты России в процессе новых социальных трансформаций. Подобное положение наблюдалось и в других странах пятого типа модернизации. Однако только в Японии (после свержения режима сёгуната в 1868 г.) верхушка традиционного общества сумела удержаться в рамках модернистских преобразований и без ярко выраженных социальных потрясений к 1945 г. плавно интегрироваться в «новое» общество. В других странах, начавших движе-

ние в сторону индустриального общества (Китай с 1905 г. – в результате замены традиционной системы подготовки бюрократии современной; Иран с 1906 г., Турция с 1908 г., Афганистан с 1923 г., Эфиопия с 1924 г., Таиланд с 1932 г. – на основе преобразований конституционного характера) традиционалистские элиты не сумели удержать в своих руках модернизационной инициативы и оказались объектами революционного ниспровержения.

Россия пережила этот переломный момент в 1917 г., когда элита традиционного общества, не выдержав революционного напора, вместе с рухнувшим самодержавием, уступила свое место в продолжающемся модернизационном процессе большевистскому режиму. Была ли продолжена российская модернизация после 1917 г., и какой характер она приобрела, эти вопросы и на сегодняшний день являются основополагающими при оценках истории России XX в., как со стороны западных исследователей, так и со стороны отечественных ученых, вставших на позиции модернизационной теории с конца 1980 – начала 1990-х гг.

Практически все крупные представители этой исторической парадигмы на Западе включают Россию (СССР) в общемировой модернизационный процесс. Однако советская модернизация рассматривается ими как особая модель перехода к индустриальному обществу, имевшая многочисленные недостатки и поэтому постоянно уступавшая своему западному аналогу по всем важнейшим показателям.

В частности, в работе П. Бергера «Капиталистическая революция»²³⁴ отмечаются признаки, по которым преобразования в СССР можно отнести к модернизационному процессу: создание основ индустриального общества; постоянный экономический рост; медленное, но неуклонное повышение благосостояния народных масс; сопоставимые с Западом темпы социальной стабильности; сходная с Западом динамика распределения доходов.

В тоже время автор называет и специфические особенности советской модернизации, носящие, главным образом, негативный характер и тем самым тормозящие ее поступательно-прогрессивное движение: бюрократизация экономики; хозяйственная неэффективность; авторитарно-тоталитарная сущность политического режима; противоречивость взаимодействия двух различных форм стратификации: классовой системы и системы политической наследственности (патримониализма).

Не отказывает России в осуществлении модернизационного перехода и Д. Эптер. В своем исследовании «Политика модернизации», посвященном в основном политическому аспекту перехода от аграр-

²³⁴ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

ного к индустриальному обществу²³⁵, он называет основные параметры, которые должна иметь любая страна проводящая модернизацию: социальную систему, способную реагировать на общественные изменения; гибкие социальные институты, такие как разделение труда или структурная дифференциация; определенный научно-технический и культурный уровень, дающий возможность осуществлять технологические трансформации.

По утверждению Д. Эптера, СССР в полной мере обладал выше-названными параметрами и поэтому развивался в русле мирового модернизационного процесса. Однако это развитие имело специфические особенности, отличавшие СССР от стран западной демократии и в первую очередь в рамках политической составляющей.

Если на Западе, по мнению ученого, господствовала консенсусная (секулярно-либертарианская) модель модернизации, характеризующаяся: плюрализмом распределения власти и лидерства; партийной состязательностью; стремлением к социальному консенсусу.

То в России доминировала мобилизационная модель модернизации, так называемое «священное общество», представленное: политической религиозностью; харизматическим лидерством; однопартийной системой.

Если вышеназванные П. Бергер и Д. Эптер, характеризуя мировой модернизационный процесс XX века, дают сравнительный анализ практически только двух моделей модернизации: капиталистической (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства) и социалистической (СССР, страны мировой системы социализма, страны «третьего мира» социалистической ориентации), то Б. Мур выходит за рамки этого классического дуализма. В своей работе «Социальные корни диктатуры и демократии» он выделяет три возможных варианта модернизационных преобразований, в зависимости от того, какой класс возглавляет эти процессы²³⁶.

По мнению Мура: в США, Англии и Франции в авангарде модернизации находилась буржуазия, что и способствовало утверждению капитализма и буржуазной демократии; в Германии и Японии модернизационный переход проходил под руководством аристократии, что привело к установлению фашистского и милитаристского правления; в России и Китае решающую роль в модернизационной трансформации играло крестьянство, что предопределило формирование «великой аграрной бюрократии» и утверждению коммунистических режимов. Таким образом, следуя логике рассуждений Б. Мура, XX в. предложил мировому сообществу право выбора модернизаци-

²³⁵ Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965.

²³⁶ Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

онных альтернатив в лице демократического капитализма, реакционного фашизма и революционного коммунизма.

В России теория модернизации стала активно использоваться в исторической методологии только с конца 1980-х гг. Ее основные положения были известны российским историкам-методологам и раньше, но в силу идеологических и политических причин они могли рассматриваться лишь как объект критики с позиций советского официального марксизма. Только после того как марксистская методология утратила лидирующие позиции, модернизационная парадигма стала применяться к исторической эмпирии с позиций познавательной эффективности и наведения хотя бы какого-либо порядка в возникшем концептуальном хаосе.

Серьезным импульсом в развитии модернизационных представлений применительно к русской истории стал 1993 г. В этом году в журнале «Вопросы философии» были опубликованы материалы круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы»²³⁷. Развернувшаяся на страницах журнала дискуссия наглядно показала особенность освоения модернизационной концепции российскими интеллектуалами. Все предлагаемые участниками диспута с этой научной позиции историко-теоретические конструкции зиждились в первую очередь на идейно-политической основе. Однако по разному понимая сущность российской модернизации, ее периодизацию, значение и перспективы, все ученые признали главный постулат теории, разработанный еще в лонах западной историко-методологической мысли: дуацикличность мирового исторического процесса и всеобщий характер перехода от аграрного к индустриальному обществу.

Правда, при этом были отмечены специфические черты, отличающие российскую модернизацию от западной: большое влияние экзогенного фактора («вторичная модернизация»); крепость традиционалистской (религиозно-цивилизационной) основы отторгавшей инновации, привнесенные «извне»; парциальный (прерывный, не комплексный) характер процесса.

Заметим, что в начале 1990-х гг. теория модернизации рассматривалась как некая составляющая цивилизационной концепции, противопоставлявшейся марксизму в виде труднообъяснимой эклектики (некой «мешанины» точек зрения и взглядов), не имевшей ничего общего с классическими цивилизационными воззрениями А. Тойнби, О. Шпенглера или Н.Я. Данилевского. Дискуссия 1993 г. вывела модернизационную концепцию из сферы схоластического жонглирования терминами, предопределив ее самостоятельное развитие в методологическом поле истории России в соответствии с западными канонами.

²³⁷ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.

Однако выделение подавляющим большинством сторонников этой концепции специфических черт российской модернизации, признание России «особой страной» плохо поддающейся вестернизации, сохранила в ней цивилизационные мотивы, обусловив некую «пограничность» с цивилизационным подходом, дающую возможность вплести большевизм в логику исторического развития России, как явления имеющего парадигмы и алгоритмы российской культурной традиции и поддержать так называемую «русскую идею», претендующую сегодня на место коммунизма.

Наиболее ярко «пограничность» модернизационного и цивилизационного подхода при объяснении исторического пути России проявляется в теории псевдомодернизации, сформулированной А.С. Ахиезером в труде «Россия: критика исторического опыта»²³⁸.

В этой работе, ходившей в самиздате по рукам в 1970-е гг., изъятый и частично уничтоженный КГБ в 1980-е гг., восстановленной и опубликованной в начале 1990-х гг., Ахиезер называет Россию «промежуточной» цивилизацией, развивающейся рывками. Это даже не развитие, а по меткому выражению главного критика теории псевдомодернизации В.П. Данилова «пульсация»²³⁹, осуществляющаяся на основе инверсионных циклов, под которыми понимаются некие разнонаправленные колебания.

Направления колебаний зависит от нравственных изменений, влияющих на поведение людей. В результате, все «особенности» развития России по Ахиезеру есть ничто иное, как отрицательные моменты, не позволяющие идти в ногу с западной цивилизацией. Все, что не происходило с Россией, имеет приставку «псевдо», обозначающую ложный, мнимый исторический путь. По мнению А.С. Ахиезера, псевдомодернизация обуславливается и тем, что «Россия – расколота цивилизация». «Правящий слой» стремился к модернизации, видя в ней только «средство умножения дефицитных ресурсов», а большинство населения страны, отторгало ее как разрушителя привычного уклада и образа жизни.

Особый интерес в первой половине 1990-х гг. вызвала теория «имперской модернизации» России, обоснованная В.Г. Хоросом. По мнению ученого, модернизационные процессы в России начались с преобразований Петра I, характеризовавшихся широким заимствованием у Запада в первую очередь военно-промышленных технологий, взамен на традиционный вывоз сырья. Петровская модернизация отличалась также укреплением бюрократической вертикали центральной власти и усилением гнета народных масс. Как считает В.Г. Хорос, все эти «классические» черты русской модернизации только под другими

²³⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.1 – 3.

²³⁹ Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 100.

идеологическими лозунгами, проявились и в трансформациях советской эпохи. Реформы осуществляемые «сверху» под контролем традиционалистских элит, социокультурная неоднородность российского общества в конечном итоге и не способствовали утверждению в России важнейших основ модернизации, таких как частная собственность, гражданское общество и правовое государство. Таким образом, по мнению Хороса, Россия проводила некую «запоздалую модернизацию», быстро разрушавшую старое, но не утверждавшую новых социальных институтов²⁴⁰.

Характеризуя особенности российской модернизации нельзя не остановиться на точке зрения С.Я. Матвеевой, высказавшей положение о «догоняющей модернизации» в России. Наряду со ставшими уже традиционными характеристиками, такими как социокультурный раскол, трудная приспособляемость к вестернизации, автор обращает внимание на то, что в отличие от Запада, где ведущую роль в модернизационном процессе играла буржуазия, в России «двигателем прогресса» был государственный служащий, то есть чиновник, что естественно накладывало бюрократический отпечаток на все преобразования. Кроме этого, бросаясь вдогонку за Западом, постоянно уходившим вперед, Россия металась от одного модернизационного этапа к другому, оставляя огромное количество не решенных на предыдущем этапе проблем. Она как бы «проскакивала» необходимые моменты исторического развития, оставляя позади себя социальные, экономические, политические и культурные «пустоты», мешающие ей в дальнейшем продвижении вперед²⁴¹.

Во второй половине 90-х гг. XX – начале XXI в. модернизационный взгляд усилил свои позиции в методологии истории России. К этому времени российские «модернизационщики» достаточно глубоко изучили воззрения своих западных визави, выработали свой научно-методологический инструментарий, дающий возможность не только заученно повторять сделанные до них выводы, но и высказывать собственные суждения. Появилось достаточное количество работ методологического характера, написанных на междисциплинарной основе, касающихся как глобальных проблем модернизации, так и ее отдельных направлений. Наряду с признанием двух возможных векторов модернизационного перехода (линейного и парциального), сегодня высказываются мысли о возможности третьего пути – так называемой неомодернизационной или постмодернизационной модели социальной трансформации, основанной на положительной роли социокультурной традиции. Такая точка зрения, обосновывающая многолинейную вер-

²⁴⁰ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

²⁴¹ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.

сию модернизации присуща В.В. Алексеву, И.В. Побережникову и ряду других исследователей²⁴².

На междисциплинарной основе написан труд В.А. Красильщикова «Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций»²⁴³. Это историко-социологическое исследование научно-популярного характера, хотя и имеет ссылки на А.С. Ахиезера, В.Г. Хороса, А.С. Панарина, все же главным образом опирается на достижения западной методологии. Автор стремится показать особенности российской модернизации на фоне общемирового процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу. Как и ранее названные представители современного модернизационного направления, Красильщиков обращает внимание на экзогенность, поверхностность и бюрократичность российского варианта модернизации, подчеркивает негативное влияние на нее социокультурного раскола российского общества. По мнению ученого, все названные особенности несут в себе отрицательный заряд и значительно снижают эффективность модернизационных трансформаций. Отмечая противоречивость модернизации России, автор, на наш взгляд очень удачно и остроумно замечает, что она «стремиться в будущее, пытаясь остаться в прошлом и уйти от настоящего».

Несмотря на приверженность цивилизационному подходу, модернизационная парадигма прослеживается и в произведениях Л.И. Семенниковой. Отталкиваясь от идеи цивилизационной неоднородности российского социума, исследовательница говорит о противоречиях, непоследовательности и непредсказуемости результатов пяти российских модернизаций: «петровской», продолжавшейся с XVIII в. до середины XIX в., «александровской», охватившей вторую половину XIX в., «столыпинской», имевшей место в начале XX в., «сталинской», развивавшейся в советский период нашей истории и «ельцинской», случившейся на рубеже XX – XXI вв. Для всех российских модернизаций, по мнению ученой, было характерно гипертрофированное значение личностного фактора, втягивание в них, главным образом русскоязычного населения. Среди всех названных модернизаций, как счи-

²⁴² Алексеев В.В., Побережников. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. научн. статей. Екатеринбург, 1998. С. 8 – 32; Они же Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5 – 6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8 – 49; Опыт российских модернизаций XVIII – XX века. М., 2000; Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217 – 246; Он же. Теория модернизации: от структурализма к структурационному анализу // Гуманитарная наука и образование как фактор национального развития: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 – 14 мая 2002 г.) / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2002. С. 61 – 72; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородин. Вып. 8. М., 2002. С. 146 – 168. Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

²⁴³ Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

тает Л.И. Семенникова, наиболее последовательной, комплексной и эффективной была советская модернизация²⁴⁴.

Если работы В.А. Красильщикова и Л.И. Семенниковой носят в целом умозрительный характер, то двухтомное исследование Б.Н. Миронова базируется на огромном фактологическом материале, отличается постановкой новых задач и интерпретационной новизной при их решении²⁴⁵. Поставив во главу угла проблемы генезиса личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, автор приходит к выводам, что российская держава «европейского происхождения», что в российской модернизации не было никакой неорганичности, и она не носила «догоняющего» характера, а в русской цивилизации нет никакой исключительности и специфичности.

Миронов акцентирует внимание на национальных особенностях России, обусловленных религией, многонациональностью, природно-климатическими условиями, различиями политического и культурного характера, показывает факторы сдерживающие модернизационный процесс (социокультурный раскол общества, потребительская трудовая этика крестьянства, антибуржуазные настроения, слабая секуляризация массового сознания), но в целом подчеркивает «встроенность» России в круг европейской цивилизации.

Б.Н. Миронов высказывает интересную мысль о том, что стремление России постоянно идти в ногу с Западом, часто приводило к необоснованному забеганию вперед. Это выражалось в надуманных реформах, в условиях существования еще крепких и здоровых традиционалистских институтов. В результате происходило объективное отторжение «заморских новинок» и к 1917 г. модернизация в России не была завершена. Хронологические рамки исследования не дают возможности ученому всесторонне рассмотреть модернизационные процессы в России в условиях большевистской власти, тем не менее, отмечая их непоследовательность, он утверждает, что они способствовали значительному сокращению отставания России от Запада и её вхождению в круг самых развитых стран мира.

Несколько иных взглядов на обозначенные проблемы придерживается В.В. Согрин. Он критикует Б.Н. Миронова, отмечая, что его выводы о России, как неотъемлемой части европейской цивилизации, сделанные во втором томе, не стыкуются с заключениями о «незрелости» российской модернизации, высказанными в первом томе. Согрин считает, что различий между Россией и ведущими западными странами значительно больше, чем указывает Миронов, и они уходят своими корнями в более далекие, чем XVIII в. исторические эпохи. Истоки западной цивилизации, отмечает исследователь, покоятся на античной

²⁴⁴ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2003.

²⁴⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999.

традиции, в то время как российская имеет только византийско-ордынский фундамент.

Что касается модернизационных трансформаций XX в., то, по мнению Согрина, их нельзя сводить только к процессам индустриализации или материально-технологическому прогрессу. Важное значение имеют факторы, связанные с развитием рыночной экономики, становлением демократических институтов управления обществом (представительное правление, реальное разделение властей и т.п.). Ничего подобного в советской модели социально-экономических и общественно-политических преобразований создано не было, поэтому сам термин «модернизация» применим к ней с большими оговорками²⁴⁶.

Противоположной позиции придерживается А.Г. Вишневский. В своей работе «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР», носящей мультидисциплинарный характер и основывающейся на синтезе исторических, экономических, философских и публицистических методов, он выступает против принижения российского перехода от аграрного к индустриальному обществу до уровня «псевдо» или «анти» модернизации. Анализируя общий ход советской модернизации и ее региональные особенности, Вишневский указывает на огромный положительный эффект ее результатов, сделавших СССР вполне конкурентноспособным по отношению к ведущим странам запада. В Советском Союзе, как утверждает этот ученый, вполне успешно реализовывались пять модернизаций: экономическая, городская, социологическая, демографическая и культурная.

К сожалению, они не были доведены до конца, что было обусловлено их конструктивным и инструментальным характером, выразившемся в том, что реформаторы: опирались на механизмы отжившего традиционалистского общества; блокировали развитие новых социальных институтов, таких как частная собственность и либеральная демократия; стремились усовершенствовать, главным образом, материально-техническую базу социума, не уделяя должного внимания трансформации личности от «соборности» к «индивидуализму».

В итоге инструментальные цели пришли в противоречие с консервативными методами осуществления реформ, что и привело к краху советской супердержавы и ее модели развития²⁴⁷.

К разновидности модернизационной точки зрения на русскую историю XX в. можно отнести теорию А.В. Оболонского. Рассматривая Россию, как отдельную цивилизацию, этот автор выделяет две основные тенденции, лежащие в основе ее исторического процесса: систе-

²⁴⁶ Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на современность (Размышления над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144 – 160.

²⁴⁷ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

моцентризм, предполагающий примат государства в общественной эволюции; персоноцентризм, основывающийся на примате личности.

Обе тенденции, по мнению исследователя, развиваются параллельно, однако склонны к сближению и имеют даже некие переходные мостики, способные обеспечить переход от одного состояния к другому. Россия и на рубеже XIX с XX в., и на рубеже XX и XXI вв., получала хорошие перспективы персоноцентристского, то есть демократического развития, но с завидным постоянством упускала свой шанс, оставаясь в рамках государственной бюрократии «большевистской диктатуры» или «президентской республики»²⁴⁸.

«Модернистский» взгляд на историю России обозначил в своей монографии и В.В. Керов. Характеризуя деятельность русских предпринимателей старообрядческого, религиозного направления, он подчеркнул важность социокультурного фактора в развитии модернизационного процесса, начавшегося, по его мнению, с духовно-религиозного обновления²⁴⁹.

Подводя итоги, концептуально-историографической характеристике использования теории модернизации при изучении истории России, еще раз отметим разноплановость восприятия российскими историками этой методологической парадигмы. Активное изучение точки зрения «западников» и попытки применения их теоретических выкладок к российской истории, породили несколько оригинальных, но противоречивых модернизационных интерпретаций: «псевдомодернизация», «имперская», «догоняющая», «запоздалая», «вторичная» модернизация, «постмодернизационная» модель и т.д., и т.п.

Они не носят завершенного, всеобщего характера и допускают альтернативные варианты при оценках исторической эволюции России. Имевшие место попытки сближения позиций, на основе их синтеза, выбора из имеющегося множества, одной наиболее приемлемой концепции, кореллирования с марксизмом и т.д. пока не обозначили сколько-нибудь серьезных позитивных сдвигов в сторону разумной интеграции²⁵⁰.

К сожалению, дискуссии так и не пришли к какому-то единому знаменателю, сохранив в мире модернизационных представлений об истории России плюрализм мнений. И все же при всем разнообразии и противоречивости подобного рода интерпретаций истории России XX в., можно выделить общее, что объединяет все эти взгляды в рамках модернизационной традиции. Это признание особенностей в модерни-

²⁴⁸ *Оболонский А.В.* Драма политической истории: система против личности. М., 1994.

²⁴⁹ *Керов В.В.* Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

²⁵⁰ *Ковальченко И.Д.* Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5; *Соколов А.К.* Лекции по советской истории. Ч.1. Становление советской системы. М., 1995; *Черняк Е.Б.* Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. № 4.

зации России и слабая приспособляемость ее механизмов к вестернизации.